

*Всем игрокам в World of Warcraft,
которые сделали этот увлекательный мир
еще веселее.*

*(Особенно всем тем, кто —
пусть даже случайным баффом —
не раз спасал мне жизнь)*

ПАНДАРИЯ

Хмелевар Чэнь Буйный Портер не мог навскидку представить ничего, что было бы ему не по нраву в этом мире. Правда, кое-что нравилось явно меньше других вещей. Например, он не очень любил ждать перед снятием пробы, пока забродит и созреет свежая партия хмеля. Не потому, что не терпелось узнать вкус — он и так знал, что вкус будет фантастический. А вот тяготило его в ожидании то, что возникало свободное время на обдумывание идей новых рецептов, с использованием новых ингредиентов, и хотелось немедленно окунуться в работу.

Но варка требовала времени и заботы. Пока все оборудование в хмелеварне занято на этой партии, оставалось только ждать. А это значило, что надо найти, чем себя занять, иначе ожидание, планирование и мысли-о-варке сведут его с ума.

Во внешнем мире, в землях Азерота, отвлечься было просто. Всегда найдется тот, кому ты не нравишься, или голодное создание, которое хочет тобой полакомиться. Заботы по отваживанию тех и других чудесно занимают праздный ум. А еще места, которые когда-то были — или становились — весьма странными и пугающими, но могли вновь принять прежний, обычный вид... В странствиях он насмотрелся и на такие, и на многие другие, а некоторые даже помогал преобразить.

Чэнь вздохнул и перевел взгляд на середину сонной рыбацкой деревеньки. Там его племянница, Ли Ли, играла с десятком детенышей из деревни Бинан — большинство из них были местными, некоторые — беженцами. Чэнь не сомневался, что она намеревалась рассказать им о своих путешествиях на Шэнь-Цзынь Су, Великой Черепахе, но по ходу повествования планы Ли Ли пошли насмарку. Хотя, может, она все же рассказывала именно эту историю, но заручилась помощью слушателей, чтобы разыгрывать сценки по ходу дела. И тут явно началась какая-то битва — судя по тому, как ее с головой завалила ватага юных пандаренов.

— Все в порядке, Ли Ли?

Стройная девочка каким-то чудом вынырнула из бурного моря черно-белого меха.

— Все замечательно, дядя Чэнь! — но досада в ее глазах противоречила сказанному. Ли Ли наклонилась, поймала одного тощего мальчишку из стаи, отбросила в сторону и тут же скрылась под волной визжащих детенышей.

Чэнь подумал было вмешаться, но остановился. Здесь Ли Ли не грозила настоящая опасность, и у нее сильная воля. Если племяннице понадобится помощь, рано или поздно она о ней попросит. Вмешиваться раньше — значит, навести ее на мысли, будто дядюшка сомневается в ее способности постоять за себя. Она будет дуться, а Чэнь просто ненавидел, когда Ли Ли так делала. Еще возмутится и отправится доказывать, что в состоянии сама позаботиться о себе, и вот тогда может угодить в неприятности посерьезнее.

Хотя основным доводом хмелевара в пользу невмешательства был именно этот, лишний повод остаться в стороне дали перешептывания и цоканья языком от двух сестер Чан. Они были такими старыми, что помнили, как Лю Лан впервые покинул Пандарию, — по крайней мере, так уж они говорили. Хоть в мехе сестер виднелось больше белого, чем черного — не считая участков под глазами, которые они специально подкрашивали, — Чэнь считал, что не так уж они и стары. Всю жизнь эти особы провели в Пандарии, и совсем недолго пробыли в обществе тех, кто жил на Скитающем острове. У степенных дам выработалось свое мнение о тех, «кто гоняется за черепахой», и Чэнь любил их озадачивать, когда вел себя не так, как они ожидали.

Ли в их глазах была всего лишь одной из «диких собак черепахи». Импульсивная и практичная, легкая на руку и немного склонная переоценивать свои способности, девочка была ярким образцом пандарена, принявшего философию Хоцзинь. Она обладала характером того самого

авантюрного склада, который позволял отплыть прочь на черепахе или путешествовать по Запределью. Такое поведение, на взгляд сестер Чан, попросту негоже одобрять или хвалить.

Как и тех, кто подобным занимался.

Чэнь, будь он по природе склонен что-нибудь не любить, наверняка не любил бы сестер Чан. Однако на самом деле он даже проникся к ним симпатией, и уже давно. Отстроив хмелеварню Буйного Портера и создав рецепты нескольких прекрасных напитков, он странствовал по Пандарии, чтобы больше узнать о месте, которое, как он решил, будет его домом. И во время странствий увидел их — двух старых дев — на маленьком огороде, за годы осады юнголов заросшем сорняками, и предложил помощь.

Ответа он толком не дождался, но все равно сделал свой вклад в хозяйство. Чэнь чинил заборы и полол сорняки, развлекал правнуков сестер, дыша огнем, подметал, таскал воду, заготавливал дрова и даже выложил новыми камнями дорожку перед дверью. Всем этим он занимался под неодобрительными взглядами сестер только потому, что за неодобрением читал в их глазах изумление.

Он работал долго и усердно, не слыша ни слова похвалы, пока, наконец, их голоса не раздались впервые. Они говорили не с ним и не о нем. Они говорили друг с другом, но в его сторону. Старшая сказала: «Отличный день для тигрового гурами». Младшая лишь кивнула.

Чэнь понял, что это приказ, и подчинился. Выполнил он все аккуратно. Выловил трех гурами

в океане. Первую рыбу забросил назад, последнюю оставил для сестер, а самую большую отдал беженцам — жене рыбака, чей супруг все еще числился среди пропавших без вести, и ее пяти детенышам.

Он знал, что отдать сестрам первую же рыбу — знак поспешности. Отдать все три — показать, что он подвержен демонстративной гордыне. Отдать самую большую, которую они бы все равно не съели, — показать отсутствие тактичности и расчета. Но своим поступком он демонстрировал разумность, заботу и щедрость.

Чэнь понимал, что его дела с сестрами не приносят ему их дружбы или покровительства. Многие знакомые, которых он встретил в путешествиях, назвали бы их неблагодарными и прошли мимо. Но для Чэня они были способом больше узнать о Пандарии и тех, кто станет его соседями.

«Может, даже моей семьей».

Если Ли Ли была образцом философии Хоцзинь, то сестры Чан представляли собой идеальных верующих в Тушуй. Они больше времени уделяли созерцанию, мерили поступки по идеалам справедливости и морали — хотя, скорее всего, опирались на узколобые, провинциальные, деревенские версии этих великих понятий. Более того, обширные понятия справедливости и морали вполне могли бы показаться таким, как сестры Чан, слишком претенциозными.

Чэню нравилось считать, что сам он твердо стоит посередине. Он исповедовал и Хоцзинь, и Тушуй — или, как минимум, убеждал себя в этом. Если же говорить трезво, путешествуя по

большому миру, он склонялся к Хоцзиню, а здесь, в Пандарии, с ее пышными долинами и высокими горами, где большинство существ ведет простую жизнь, в самый раз приходилась Тушуй.

В глубине души Чэнь знал, что на самом деле как раз от этого ему и нужно отвлечься. Дело не в новых проектах для варки, а в понимании, что однажды ему придется выбрать ту или иную философию. Если Пандария станет его домом, если он найдет жену и заведет семью, дни приключений закончатся. Он просто станет веселым хмелеваром, облаченным в фартук вместо брони, будет торговаться с крестьянами за стоимость зерна и с покупателями — за стоимость кружки.

«И это не плохая жизнь. Вовсе нет, — думал Чэнь, аккуратно складывая поленницу для сестер. — Но будет ли этого достаточно для счастья?»

Новый визг детенышей привлек его внимание. Ли Ли лежала и не поднималась. В хмелеваре что-то вспыхнуло — древний зов битвы. О, у него было столько историй о великих схватках! Он сражался бок о бок с Рексаром, Волджином и Траллом. Спасти племянницу — ничто по сравнению с теми битвами (и пересказ баек о тех подвигах сделает его хмелеварню очень популярной), но активные действия подпитывали в его душе нечто...

Нечто, противоречащее философии Тушуй.

Чэнь подбежал и нырнул в кипящую кучу тел, хватая детенышей за загривки, а потом разбрасывая налево и направо. Они — сплошь мышцы и мех — скакали, катались и извивались. Пароч-

ка врезалась друг в друга, и те части детенышей, что должны были касаться земли, обратились к небу. Однако они быстро пришли в себя, распутались и вскочили на ноги, готовые нырнуть обратно.

Чэнь рыкнул с правильной смесью мягкого предупреждения и нешуточной угрозы.

Детеныши застыли.

Взрослый пандарен выпрямился, и большинство детенышей инстинктивно повторили за ним это движение.

— Что это у вас тут происходит?

Один из детенышей посмелее, Кенг-на, показал на лежащую Ли Ли.

— Госпожа Ли Ли учила нас драться.

— Я здесь видел не драку. Я видел свалку! — Чэнь преувеличенно серьезно покачал головой. — Так не пойдет, ни в коем случае, особенно если вернутся яунголы. Вам надо учиться как следует. Ну-ка, готовься! — Чэнь, отдав приказ, встал по стойке «смирно», и детеныши идеально последовали его примеру.

Чэнь с трудом скрывал улыбку, пока отряжал детенышей — по одному и в группах — за хвостом, за водой, за песком для дорожки сестер и метлами, чтобы разровнять песок. Потом резко хлопнул лапами, и они метнулись по своим заданиям, как стрелы, пущенные из натянутых луков. Хмелевар дождался, пока они все исчезнут, и только потом протянул лапу Ли Ли.

Она посмотрела на нее, презрительно наморщив носик.

— Я бы победила.